

А. А. Накорчевский

Немногочисленные упоминания о Ямагути Сидо (1765–1842), встречающиеся в японской литературе в основном справочного, нежели исследовательского плана, однозначно характеризуют его как одного из ученых-нативистов¹ сторонников школы «национальной науки». Основной задачей этой школы были преимущественное изучение японской классики и поиск в ней самобытных черт и, главное, ценностей идейного и эстетического плана, которые бы могли на равных конкурировать с достижениями, прежде всего, «китайской», и отчасти «голландской» науки, доминировавшей в интеллектуальном мире Японии в течение многих столетий. Нативизм возник как своего рода ответ «большой традиции» (по Редфорду) на постепенное формирование массового национального самосознания японцев после объединения страны под властью Токугава. В целом он был направлен на утверждение самобытности и самостоятельности японской культуры и выделение того, что представлялось сугубо японским, в сложившемся к тому времени культурно-идейном конгломерате через изучение сохранившихся письменных памятников, а позже и через этнографические штудии, порою дополняемые мистическими откровениями. При этом представления о вечных ценностях, якобы исконно присущих гипотетическому вневременному «духу Ямато», весьма разнились, впрочем, как и методы, полагавшиеся легитимными для его обнаружения в накопившихся идейных и культурных «завалах». В целом в среде нативистов можно выделить две большие группы или, точнее, крыла, связь между которыми, несмотря на определенную критичность по отношению друг к другу, оставалась весьма тесной, а границы размытыми.

Разделение на два крыла – больше аналитическое, чем фактическое, позволяющее выявить основные идейные тенденции, нежели четкие организационные размежевания. Одно из этих крыльев можно условно назвать «позитивистским» по духу, которое опирается в своих исследованиях, прежде всего, на «науку о свидетельствах и фактах» (考証学) и отдает предпочтение филологическому анализу древних японских письменных памятников по достаточно строгой методике. Результаты этого анализа и поныне признаются

имеющими научную ценность. Это «филологическое» крыло, особенности которого наиболее ярко воплотились в такой фигуре, как Мотоори Норинага (1730–1801), критиковало «китайщину», под которой в те времена понималась, прежде всего, имевшая широкое хождение неоконфуцианская ученость, за квазирационалистическое «лжемудрие» и попытки свести многообразие мира к единому безликому «принципу». В противовес этому «позитивисты» считали наивысшими ценностями японского духа непосредственность и эмоциональность, воплощенные в таких ценностях, как *магокоро* (прямотушие) и *моно-но аварэ* (непосредственное эмоциональное переживание вещей, людей и событий). Второе крыло, сформировавшееся несколько позднее первого вокруг Хирата Ацутанэ (1776–1843), полагало, что методы и достижения «китайской» и даже «голландской» науки вполне применимы в исследовании японской классики. Они позволяют открыть и, главное, рационально (или, если угодно, квазирационально) обосновать ценности японского духа, истинный смысл и значение которых оказалось сокрытым под пылью веков. Более того, как настаивали многие представители этого крыла, многое, если не все, из того, что считалось чужеземным, оказывалось на поверку в истоках своих японским, а потому весьма ценным и пригодным для познания полузабытого «духа Ямато» и, в частности, многих понятий, чей исконный смысл был искажен или утрачен. Хотя филологические методы этому крылу были не чужды, и общая методологическая направленность была в целом единой – от древних слов 古語 к древним смыслам 古義, а потом к древнему (=истинному, сугубо японскому) пути 古道, древние смыслы и путь открывались для этого крыла и в мистических опытах, и в сохранившихся обрядах сельской глубинки, и в рассказах очевидцев сверхъестественных событий, и, конечно, в собственных прозрениях тайных, скрытых значений, невидимых под покровом внешней канвы повествования. Например, если Мотоори Норинага полагал, что мифологические сюжеты, дошедшие до нас в первом свитке древнейшей японской хроники «Кодзики» («Записи о делах древности») должны восприниматься при всей их кажущейся неправдоподобности как реальные факты, имевшие место быть во *время оно*, и не требующие никаких пояснений и интерпретаций за исключением сугубо филологических разъяснений, то вторая группа, к которой относился и Ямагути Сидо, пыталась увидеть в этих мифологических сюжетах некое символическое повествование, истинный смысл которого был утрачен и ныне подлежит восстановлению. Древние на поверку оказывались мудрее и глубже, чем это представлялось при исключительно внешнем, поверхностном прочтении. Открытиям этих глубин нативисты и посвящали свои исследования.

Это второе крыло можно условно назвать «мистическим», ибо для них мир сакрального, духовного, таинственного, «сокрытый мир» (*каккурэ*) был не только столь же, если не более реален и актуален, чем «мир явный» (*уцусиэ*), а информация, почерпнутая из него, представлялась столь же, если не более, достоверной, нежели получаемая в результате филологических

¹ Нативизм – термин, употребляемый в культурной антропологии и социологии религии для обозначения аборигенных движений. Ядро нативизма – вера в возрождение собственной культуры и в победу исконных верований над привнесенными верованиями и социальными институтами.

штудий. При этом эти мистические опыты были вовсе не чужды и представителям «филологов», тому же Мотоори Норинага, поэтому речь не идет о каком-либо противопоставлении или, тем более, противостоянии двух крыльев-лагерей, а скорее о различии в акцентах.

При этом, однако, следует отметить, что в силу ряда причин, прежде всего политико-идеологического характера, это второе, «мистическое», крыло было, начиная с эпохи Мэйдзи, оттеснено на обочину общественной мысли, утратило во многом статус признанной исследовательской парадигмы и потому оказалось как бы в тени «филологического» крыла, чем и объясняется тот факт, что его история остается и поныне практически неисследованной не только в западной, но и в японской науке. Эта тема сама по себе заслуживает серьезного и детального изучения, поэтому здесь позволим себе ограничиться сказанным выше.

Неисследованность этого направления в нативистском движении также не позволяет нам в данной статье делать какие-либо однозначные заключения относительно уникальности или, наоборот, тривиальности тех или иных идей Ямагути Сидо, что, понятно, требует хорошего знания всего круга мыслителей той поры, которым мы, увы, пока не обладаем. Поэтому эта статья имеет скорее описательный, нежели аналитический характер, и рассматривается автором не более чем первый шаг к пониманию этого направления нативизма в целом.

Творческое наследие Ямагути Сидо до недавнего времени не переиздавалось со времени первого выхода в свет его трудов, что делало его практически недоступным для широкого круга исследователей. Лишь в 1997 г. были изданы его основные труды в издательстве «Хатиман сэтэн»², специализирующемся на выпуске «альтернативной» литературы, обычно классифицируемой по разряду эзотерики, а потому, как правило, игнорируемые академическим сообществом. О том, чего стоит такое игнорирование в отношении Ямагути Сидо, судить далее самим читателям. Именно этим желанием дать по возможности наиболее полное и непредвзятое представление об этом мыслителе обуславливается частое и пространное цитирование в данной статье текстов самого Ямагути Сидо.

Биография Ямагути Сидо

О жизни Ямагути Сидо известно мало, и главным источником сведений о нем являются его дневники и путевые записи, чьи оригиналы для нас пока недоступны. Поэтому следующее ниже изложение является не более чем пересказом его биографии, помещенной в уже упомянутом издании его сочинений, и нуждается во многих уточнениях и проверках, особенно относительно того круга нативистов, с которым контактировал Ямагути Сидо, находясь в Эдо и Киото.

² Кототодама хисё. Ямагути Сидо рэйгаку дзэнсю (Тайные тексты о котодама. Полное собрание сочинений Ямагути Сидо, посвященных «науке о духовном») 言霊秘書 山口志道 霊学 全集). Токио, 1997. Цитирование дается по этому изданию, и страницы указываются в тексте.

Первая неясность касается уже самой даты рождения Ямагути Сидо, которая атрибутируется на основании его собственноручных записей с указанием возраста и даты написания того или иного сочинения, и которые несколько разнятся между собой. Не утомляя читателя изложением всех версий и нюансов, укажем, что наиболее правдоподобной датой считается 1765 год, когда в деревне Тэракадо, уезда Нагаса, провинции Аванокун (нынешний район Тэракадо г. Камагава, преф. Тиба) в крестьянской семье родился наследник, с детства отличавшийся редким пристрастием к учебе. Первоначально он осваивал «китайскую науку» под руководством настоятеля местного храма Анкокудзи, а в возрасте 25–26 лет отправился в тогдашнюю фактическую столицу Эдо, где собирался и цвет учености. Он остановился у своего дяди, проживавшего в районе Нихонбаси, знаменитого «Японского моста», откуда начиналась прославленная в гравюрах Хиросигэ главная дорога страны – Токайдо. Юноша посещал различных наставников, пока не остановился у Када 荷田 (Хакура羽倉) Нориюки 則之 (?–1823). Ямагути Сидо продолжал свое обучение у этого последователя знаменитого Када-но Адзумамамаро (1669–1736) до тех пор, пока не вынужден был прервать его из-за обрушившихся на семью несчастий: в 1795 г. умирает его отец, которому исполнилось только 53 года, в 1797 г. – жена, а три года спустя – мать. Вскоре Сидо женится вторично, в 1800 г. у него рождается дочь, однако он, движимый неизвестными мотивами, тут же отправляется в дальнее паломничество в святилище Исэ и далее по 33 храмам Каннон западных провинций.

В 1813 г. умирает его вторая жена и на руках 48-летнего Сидо остается 13-летняя дочь. Однако это не останавливает его, и он находит возможность возобновить обучение у Када Нориюки. Его упорство было вознаграждено – в 1815 г. учитель посвящает его в «тайное предание», передававшееся в роду Када и называвшееся «Древним преданием Инари» (稻荷古伝), издавна хранившимся в святилище Инари тайся пров. Ямасиро. Считается, что это предание было передано изначально Када-но Адзумамамаро, затем от него перешло его дочери, известной поэтессе Када-но Тамико 蒼生子 (?–1786), и от нее уже к Нориюки. Как пишет сам Ямагути Сидо, эта традиция была ему передана в 1815 г., «однако в этом предании много было сокращений, и я трудился дни и ночи, пытаясь возместить недостающее, пока не прозрел суть его священных знаков-тама» (с. 7–8). В этом ему также помогло, как указывает сам Сидо, «издавна передававшееся в нашей семье предание, именовавшееся “Священным духом (знаками) футомани” (Футомани-но митама 布斗麻邇御霊), которое почиталась в маленьком святилище при доме». Смысл этого предания он пытался постичь более тридцати лет (с. 7). Эти два тайных предания оказались взаимодополняющими. Описанию открывшегося ему сокровенного смысла посвящен *opus magnum* Ямагути Сидо «Предание налитых соком побегов»⁴ (Мидзухо-но цутаэ 水穂伝).

³ Футомани 布斗麻邇 или 太占 – гадательная практика преимущественно по трещинам, появляющимся на нагреваемой лопатке оленя или черепахи. Таблица, приведенная Ямагути Сидо, очевидно служила для интерпретации этих трещин по их направленности.

⁴ «Страна налитых соком побегов» – устоявшееся поэтическое название Японии.

Выдав свою дочь замуж и оставив хозяйство на зятя, в 1818 г. Ямагути Сидо перебирается уже надолго в Эдо, где на протяжении пяти лет совершенствуется в «науке об эре богов», т. е. в истолковании первого свитка хроники «Кодзики». В 1823 г. он ненадолго возвращается на родину, чтобы через несколько дней вернуться в Эдо и продолжать учение под руководством Нориюки, который, однако, вскоре умирает. С 1823 по 1829 г. Сидо живет в Эдо, где продолжает свои занятия.

Переломным для него оказался 1830 год, когда он повстречался в Эдо с Фукуи Сигэцугу, который был женат на его сестре. Свояк предлагает отправиться вместе с ним в Киото, и Сидо соглашается. Так, в 65 лет для него открывается новая страница жизни. Одной из причин согласия Ямагути Сидо было то, что его «наука эры богов» нашла своих почитателей в среде киотоской аристократии. А в то время для ученого, не сумевшего обзавестись высоким покровительством или поступить на службу, ученики и почитатели были единственным источником дохода. В августе 1830 г. Сидо в очередной раз покидает родину с тем, чтобы больше сюда уже никогда не вернуться.

В Киото он поселяется сначала у Фукуи и приступает к написанию уже упоминавшегося своего главного сочинения – «Предание налитых соком побегов». В 1834 г. он съезжает от Фукуи и поселяется отдельно. Сидо часто приглашают для толкования его учения и литераторы, и императорский двор.

В 1835 г. во время посещения святилища Фусими Инари он в качестве дара подносит исполненное им изображение священной горы Фудзи, силуэт которой составляли сто знаменитых хайку, написанных мельчайшим шрифтом. Это произведение демонстрируют императору, который приходит в восхищение и посылает Ямагути Сидо в знак признания собственноручно отломанную ветвь цветущей сливы.

В том же 1835 г. Ямагути Сидо завершает написание своего главного труда, и его печатают в конце ноября того же года. Это, наверное, был лучший год в его жизни. Судя по всему, и в финансовой сфере Ямагути Сидо обретает стабильность. В 1836 г. только среди высшей придворной аристократии-*кугэ* он имеет более 20 учеников.

В 1839 г., в возрасте 74 лет он публикует комментарий на знаменитый сборник лучших ста пятистиший-*вака* «Правильное толкование ста стихов» (百首正解), который приносит ему еще больше славы. Особо был отмечен его комментарий на одно из знаменитых пятистиший, в котором ему удаётся точно определить географическое расположение воспетого в нем места.

В 1841 г. он получает священнический сан и право носить соответствующую одежду от одного из наиболее авторитетных родов синтоистских служителей – Сиракава, которым он тоже преподавал свою «науку эры богов».

Ямагути Сидо из-за многочисленных дел и поклонников никак не удавалось хотя бы на короткое время вернуться на родину. В 1842 г., очевидно по его собственной просьбе, в Киото приезжает его зять и привозит сына – внука Ямагути Сидо, которому к тому времени исполнилось уже 16 лет, и он,

как и сам Сидо в молодости, отличался ясным умом и прилежанием в науках. Сидо явно видит в нем своего преемника, всячески опекает его и обучает всему, что знает сам, однако неожиданно в следующем 1843 г. внук умирает, а за ним вслед уходит из жизни и сам Ямагути Сидо, причем обстоятельства его смерти и похорон остаются неизвестными. Ямагути Сидо отличался крепким здоровьем и поговаривали, что это было убийство по приказу кого-то из сильных мира сего, которым он чем-то не угодил, однако ничего толком известно не было. Сохранилась могила Ямагути Сидо в его родной деревне, ставшей уже частью города, однако род прервался и ныне в Тэракадо никто по фамилии Ямагути не живет.

Космология и метафизика

Учение Ямагути Сидо представляет собой интегрированную и внутренне непротиворечивую холистическую (целостную) систему. Она обладает (при условии принятия ее базовых постулатов) почти универсальной объяснительной способностью в самых различных аспектах и планах бытия, начиная от метафизического и космогонического и заканчивая лингвистическим и физиологическим, – все это автор стремится продемонстрировать при каждом удобном случае. Подобная универсальность, основанная на принципе изоморфности различных планов бытия, восходит типологически к популярной в то время в Японии «всеохватной» (по выражению Фен Ю-ланя⁵) неоконфуцианской системе Чжу Си, а в широком смысле – и к общим особенностям китайской философской мысли, в которой метафизика проливает свет на суть моральных принципов, а эстетические категории одновременно оказываются и основополагающими принципами государственного управления. И хотя, как отмечалось выше, в целом японский нативизм как течение выступал в качестве альтернативы «китайской учености», во многих случаях он использовал те же самые подходы и методы, применяя их к японскому материалу.

Ямагути Сидо был убежден, что все таинства и секреты мироздания были переданы древними в первом свитке хроники «Кодзики», в котором на поверхности лежал рассказ о деяниях богов, но в глубине, при надлежащем прочтении, открывались универсальные принципы мироздания, действующие на всех его уровнях и потому одинаково применимые ко всем аспектам бытия, начиная с космогонии и кончая физиологией человека. Для этого требовалось уразуметь истинный смысл древних слов через понимание их живой сути-*котодама*. Ямагути Сидо полагал, что каждый из 50-ти слогов, легших в основу сложившейся еще в эпоху Хэйан фонетической таблицы и, одновременно, слоговых азбук японского языка (*годзюон* 五十音), скрывает в себе определенные базовые, «сакральные» значения, комбинация которых в слове и открывает его истинный смысл, сокрытый под внешним, «профанным» смыслом. Эти сокровенные смыслы Ямагути Сидо и называет *котодама*. К подробному рассмотрению этой темы мы еще вернемся.

⁵ Fung Yu-lan. A History of Chinese Philosophy. Princeton. Vol. II. 1983 (1973), с. 533.

Рис. 1
«Священный дух (знаки) великого прорицания-футомани»
(布斗麻邇御灵)

Ключом, открывшим ему путь к пониманию и древних тайн космологии, и истинного значения древних слов, оказались как раз два вышеупомянутых «предания»-цутаэ – «Священный дух (знаки) великого прорицания-футомани» (布斗麻邇御灵⁶) и «Древнее предание Инари» (稻荷古伝), представлявшие собой ряд знаков-символов, над разгадкой которых он и трудился, по собственному признанию, больше 30 лет. Именно с воспроизведения этих двух таблиц он и начинает свой главный труд, который называет, стремясь, очевидно, подчеркнуть его укорененность в древности, «преданием». Это – уже известное нам «Предание налитых соком побегов».

В результате изучения и сопоставления этих двух наборов знаков Ямагути Сидо открывается, что последовательность знаков предания футомани представляет собой не что иное, как воспроизведение в символической форме космогонического процесса, описанного в первом свитке «Кодзики».

Опираясь на указания «Древнего предания Инари», Ямагути Сидо идентифицирует две главные формы \ и О, используемые в знаках футомани, с первоэлементами – огнем и водой. Если у «круга» О только одно значение – вода, то «точка» \ обозначает и огонь, и пневму (жизненную энергию)-ки, и знак-сируси, и дыхание (живое)-ики, и точку (каплю)-хоти и сгусток-кори (см. рис. 2).

Первый из знаков футомани, в котором присутствуют эти обе формы, Ямагути Сидо называет «Знаком отцовской капли (семени)» или «Знаком божества Амэ-но минака нуси-но ками». Этот знак, по его мнению, репрезентирует самое начало космогонического процесса, описанного в «Кодзики»: «В Кодзики говорится: “Когда начались Небо и Земля, на Равнине Высокого Неба явились ками. Божествен-

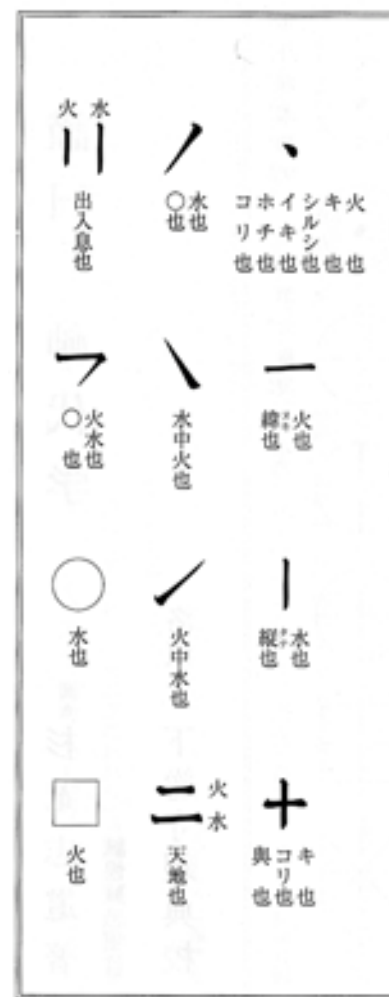

Рис. 2
«Древнее предание Инари»
(稻荷古伝)

ные имена их Амэ-но минака нуси-но ками...” и т. д.

Толкую это так. Знак \ в самом центре [знака] духа ками (御灵) – это энергия-ки \ еще не родившихся неба и земли. “А” в “амэ” его божественного имени обозначает духовную сущность (灵) воды в пространстве (空水) и есть общим названием дыхания (ики 水火 воды и огня)⁷ последовательности в 50 звуков (五十連⁸). “Мэ” же означает циркулировать. Циркуляция дыхания (ики 水火 воды и огня) последовательности из 50 звуков называется “небом” (амэ天). Форма этого вращения и обозначается как раз знаком О. “Ми” из “минака” означает “середина”, т. е. “минака” это слово, в котором середина накладывается на середину и означает “самый центр”. “Ну” из “нуси” есть озвончение (нигори) звука “но”, а “си” – это сокращение от “сируси”-знака. То есть божественное имя означает “знак \ дыхания в самом центре пространства”. То есть в самом центре неба-амэ О содержится знак-сируси \, что и составляет вместе ☉. То есть – это духовная сущность – знак (御灵) Амэ-но минака нуси» (с. 13).

Огонь и вода – это не просто мертвая инертная субстанция. Их движение суть дыхание Вселенной, животворящая сила, которую древние именовали божеством-ками: «Меж небом и землей есть невидимое глазами сокровенное (химичу 火水 огонь и вода). Это называют божеством (ками 火水 огонь и вода), а также дыханием (ики 水火 вода и огонь). Когда называют

⁶ Важно отметить, что для записи одного из ключевых понятий в его системе – тама 灵 – Ямагути Сидо использует сокращенный вариант иероглифа 靈 (靈) со значениями – душа, жизненная субстанция, духовная сущность. Именно последний вариант используется нами чаще всего, хотя в некоторых контекстах мы переводим его просто: «знак», который как мы увидим дальше, отождествляется Ямагути Сидо с его референтом. Использование именно сокращенного варианта можно объяснить присутствием в нем элемента «огонь» внизу и знака 冫, явно отождествляемого им с «водой».

⁷ Ямагути Сидо часто пользуется распространенным в кругу подобных ему толкователей приемом, когда вместо общепринятого подразумеваемого чтения иероглифов фуриганой дописывается другое чтение, зачастую имеющее и иное значение, что позволяет якобы прони-

божеством (ками 神), то имеют ввиду сущность (体), а когда дыханием⁹ (ики 水火 вода и огонь) – то действием (用) [этой сущности]. Посему дыхание (ики 陰陽 инь-ян), соединяясь с дыханием (ики 陰陽 инь-ян), рождает тьму вещей» (с. 8).

Ямагути Сидо напрямую отождествляет главных божеств-прародителей всего сущего Идзанаги и Идзанами с этими абстрактными первоэлементами, утверждая, что огонь есть Идзанаги, а вода – его супруга Идзанами, и что в свою очередь они есть воплощением *ян* и *инь* соответственно (с. 16)

Все происходящие в мире видится Ямагути Сидо как скрытое от глаза, но, тем не менее, постоянное и взаимопроникающее воздействие этих двух первоэлементов: «Истинный огонь внешнего облика не имеет. Такова сущность огня. Когда видим внешний облик, то это [благодаря] воде в огне. Посему горит. Это есть действие огня (*хатаракки* 活用). Истинная вода внешнего облика не имеет. Это называем сущностью воды. Когда видим внешний облик, то это [благодаря] огню в воде. Поэтому течет. Это есть действие воды (*хатаракки* 活用). Огонь как сущность двигает воду. Вода как акциденция (用)¹⁰ движима огнем. Огонь движет, но звуков не издает, а вода движется и производит звуки. В целом, если движущее – это огонь, то движущееся – это вода» (с. 9).

Существование Вселенной циклично, все в ней рождается, и все ждет неминуемый конец, который обязательно ведет к новому рождению: «Дыхание (ики 水火 вода и огонь) Неба и Земли продолжается в Солнце и Луне, дыхание человека (ики 水火 вода и огонь) продолжается в потмах. Беспредельное соединение дыхания (ики 日月 Солнце и Луна) Неба и Земли с дыханием (ики 水火 вода и огонь) человека вечно и неисчерпаемо. Начало и конец Неба и Земли заключены в рассвете и закате: с давних дней эры богов и до сегодняшнего дня [все] начинается с рассветом и заканчивается с закатом. Отныне и вовек будет так. Хотя и говорят, что все имеет начало и не бывает такого, чтобы не было конца, но это касается только конкретной вещи. Небо и Землю с тьмой вещей не сравнить. Небо и Земля [состоят] исключительно из изначальной жизненной энергии-ки (*мотоки* 本気). Тьма вещей рождается из этой энергии-ки (ゝ), и в этой энергии-ки (ゝ) находит конец. Закончившись, опять начинается, и образует вечный цикл (始終),

кать в глубинную, истинную суть слов. На этой игре смыслов базируются многие положения и рассуждения «тайных традиций», столь популярные в те времена. Поэтому при переводе мы сначала будем давать перевод «подписанных» чтений, а потом в скобках приводить общепринятое значение используемых иероглифов. Например в данном случае Ямагути Сидо использует распространенное чтение иероглифа «огонь»-*хи* и не озвонченное чтение иероглифа «вода»-*мицу* (принято *мидзу*) , что в сочетании дают слово *химичу*-тайна, переведенное в данном контексте как прилагательное «сокровенное».

⁸ Соответствует современному *годзюон* (五十音) – таблице последовательности звуков и знаков японской азбуки *кана*.

⁹ Мы переводим *ики* как дыхание, но, несомненно, это слово ассоциируется и с другим близким значением *ики* – живое.

¹⁰ Случайное, преходящее состояние.

который неисчерпаем. У тьмы вещей есть конец, но не имеет конца космическое дыхание. Моя жизнь – это начало моего Космоса (天地), а смерть – это конец моего Космоса (天地)... Хотя в *Кодзики* и говорится про начало Неба и Земли, но это лишь повествуется о начале тьмы вещей, а по правде Небо и Земля не имеют начала, а есть лишь [вечный] Небесный Путь (天道)» (с. 120).

Человек как микрокосм

Переходя далее с космогонического на физиологический уровень, Ямагути Сидо демонстрирует не только единство базовых принципов для всех уровней мироздания, но и непосредственную вовлеченность божественных сил в процесс зачатия и появления на свет человека: «Знак круга *О* есть материнская вода, а точка-*хоси* 丶 – отцовская капля, а также семя трав и деревьев. Духовная сущность-*тама* 丶 Минака нуси при совокуплении мужчины и женщины входит в них вместе с вдохом и располагается внутри капли-семени (一滴). Посему тело получаем от отца и матери, а духовную сущность (御灵) – от неба. Мы сами как есть – суть слияние космоса (天地) и отца с матерью. Посему точка 丶 каждого сердца уже есть обитель Амэ-но минака нуси-но ками. Посему, когда сердце двигается, то оно образует форму огня — или воды ¹¹. То, что приводит в движение, – это это (吾), а то что движется – это точка 丶. Различие добра и зла, искаженного и правильного исходит из этой точки сердца. Это так называемая энергия-ки единой основы (*итигэн-но ки* 一元のゝ). Форма этой духовной сущности есть не что иное, как солнце, луна и звезды. Вся тьма вещей появляется из этой духовной сущности (митама御ゝ)» (с. 13–14).

Поэтому человек подобен Вселенной, он есть микрокосм, в котором действуют те же силы и принципы, что и во внешнем мире. Животворящая сила, которую Ямагути Сидо называет дыханием, едина для всего и вся: «Небо и Земля суть сгусток дыхания (ики 水火 воды и огня). Посему движение Солнца и Луны есть дыхание неба, а приливы и отливы суть дыхание Земли. Человек тоже есть сгусток дыхания (ики 水火 воды и огня). Посему дыхание человека как ряды волн: волны тоже, когда набегают, издают звук, а когда отступают, то беззвучны. Выдох человека тоже рождает звук, а вдох беззвучен. Человек есть не что иное, как микрокосм (小天地 малое Небо и Земля)» (с. 8–9)¹².

Как мы видим, все во Вселенной оказывается единосущным, и эта единосущность служит Ямагути Сидо поводом для эпистемологического¹³

¹¹ В таблице «Древнее предание Инари» горизонтальная черта трактуется как знак «движения огня», а вертикальная – как знак «движения воды».

¹² Утверждение о том, что человек во всем подобен Космосу вплоть до того, что у него есть свои внутренние солнце, луна и звезды, является одной из ключевых концепций теории Ямагути Сидо, с импликациями (проявлениями) которой мы еще не раз будем сталкиваться.

¹³ Эпистемология – (от греч. epistēmē – знание) часть гносеологии, которая изучает происхождение и развитие научного знания.

оптимизма: все в этом мире доступно человеческому познанию, ибо человек подобен Вселенной: «Наука страны богов учит, что меж небом и землей нет ни единой сокрытой вещи. Уже при рождении человек, чья духовная сущность божественна (神靈), наделен парой глаз, чтобы видеть внешние формы, наделен ушами, чтобы слышать звуки, наделен носом, чтобы обонять ароматы, и наделен ртом, чтобы говорить... [Человек] единосущен с божествами (神明同躰) и в том, что он видит, и в том, что он слышит, нет того, чтобы было ему недоступно – таков смысл этого... Мы люди, и мы микрокосмы, и все только зависит от того, отшлифованы или нет [наши чувства]. Когда я ясно понимаю про дыхание (ики 水火 воду и огонь), то сияю как божественное зеркало...» (с. 59).

Поскольку макро- и микрокосм тождественны, то нет необходимости искать знания где-то далеко. Суть эпистемологической стратегии Ямагути Сидо можно свести к знаменитой заповеди дельфийского оракула – «познай самого себя»: «Если хочешь познать суть неба и земли, то она заключена в познании себя. Посему за наукой далеко ходить не надо. Для начала надо знать, что сначала мы выходим из утробы матери, выйдя, начинаем дышать, познав дыхание (ики 水火 воду и огонь), познаем речь, познав речь, узнаем, как слова складываются в письмена. Познав, что в этих письменах заключено учение, узнаем, что в нашей утробе есть божественный дух. Затем, познав, как овладеть телом, завершаем науку. Познание заключено в нас, а не где-то в другом месте. Познав себя, уясняем космос. Познавая космос, познаем человека» (с. 129–130).

Поскольку дыхание человека есть дыхание Космоса, а дыхание Космоса, его духовная суть и жизненная сила, как мы помним, и есть божество-ками, то отсюда напрашивается очевидный вывод, который и делает Ямагути Сидо: «Человек уже является Вселенной, человек уже является *ками*. Выражение ”страна богов“ означает именно это» (с. 118).

Это единство с *ками* объяснялось Ямагути Сидо, как мы помним, и на физиологическом уровне. В другом своем сочинении, посвященном практическим аспектам оздоровления, под названием «Книга о дыхании божественного ветра» (神風伯本書) он толкует это положение в больших подробностях: «Капля \ в самой сердцевине знака-тама^① есть небесная сердцевина бесконечного. Это – небесный родитель. Капля этого небесного родителя во время соития женщины и мужчины входит вместе со вздохом в семя мужчины, а затем становится душой (魂), делая женщину беременной. Кости и плоть получаем от матери и отца, а душу от Неба. По прошествии десяти месяцев, когда сформируются пять главных частей тела, дыхание наполняет плаценту, и этим дыханием разрывается плацента и [ребенок] рождается на свет. При этом опять капля \ небесного родителя являет себя в материнском молоке и вскармливает ребенка, а когда тот вырастет, опять являет себя в пяти злаках и кормит его. Пять злаков – это молоко небесного родителя... Жизнь человеческая неразрывна с молоком небесного родителя,

и, восприняв дыхание нестарения и продления жизни, можно сберечь свою жизнь до столетнего возраста» (с. 555–556).

Для достижения этой цели Ямагути Сидо предлагает разработанную им систему оздоровления, основанную на этом «дыхании нестарения и продления жизни». Он полагает, что секрет долголетия отнюдь не в лекарствах и прочих снадобьях: «Я полагаю, что называемое снадобьем нестарения и бессмертия острова Хорай¹⁴ заключено в этом вдыхании и выдыхании божественного ветра, а не в корнях трав, или коре деревьев» (с. 561).

Причину всех болезней Ямагути Сидо видит в «загрязнении дыхания»: «Энергия-пневма-ки Космоса и человека днем очищается и светла, а ночью загрязняется и темнеет. Дыхание уходит в глубину, и мы засыпаем. Болезнь приходит из загрязнения дыхания во время сна. То, что называют жидкостью во рту после просыпания, и есть это загрязненное дыхание. Надо сразу утром, обратившись к востоку, смотреть с почтением на солнечный диск и славить Аматаэрасу Омиками, покаяться в пяти нарушениях, произвести на выдохе дыхание божественного ветра, извергнуть из нутра загрязненность от дыхания [ночного], и пить энергию-ки неисчислимого долголетия Небесного родителя. Когда делаем так, то ежедневно обновляем энергию-ки пяти главных частей тела. Называемое нарушением-цуми снимается и наступает здоровье без напастей. Сами собой уходят болезни, и удерживается отведенный Небом срок жизни» (с. 558). Ямагути Сидо утверждает, что древним государям был известен этот метод, именно потому они отличались завидным долголетием. Опробовав на себе этот способ, Ямагути Сидо заявляет с заметным удовлетворением: «С тех пор, как я получил священное предание, на протяжении почти 48 лет, я не болел ни разу. И ныне, когда мне 75, я в здравии, напасти меня миновали. Глаза мои ясны и мне все еще не нужны очки и слышу хорошо, как человек в расцвете лет. Мне легко пройти за день десять *ри*¹⁵, а в холод мне не нужен обогрев» (с. 562).

Человек, однако, не занимает в мироздании какого-то привилегированного или особого положения, полагает Ямагути Сидо. Поскольку все во Вселенной в живой сути своей, которую Ямагути Сидо называет в зависимости от аспекта рассмотрения то первоэлементами – водой и огнем, то дыханием, то ян и инь, то божествами, едино, то человек в своей духовной сути-тама един не только с божествами, но и с животными: «Человек и птицы-звери единосущны (икко — 己). Поэтому и у птиц и зверей есть «я». По своей воле бегают, по своей воле ввысь взлетают. Человек говорит на выдохе, поэтому его можно понять. Птицы и звери издают звуки на вдохе и на выдохе, поэтому их голоса разобрать трудно» (с. 121). Единственное отличие между человеком и животными, как мы видим, – это способность к членораздельной речи, но при этом животные в некоторых вещах оказываются умнее человека – например, могут предвидеть свою смерть и потому «прячут труп» (с. 121).

¹⁴ Легендарный остров, где согласно китайским поверьям обитают бессмертные.

¹⁵ Мера длины, равная 3, 92 км.

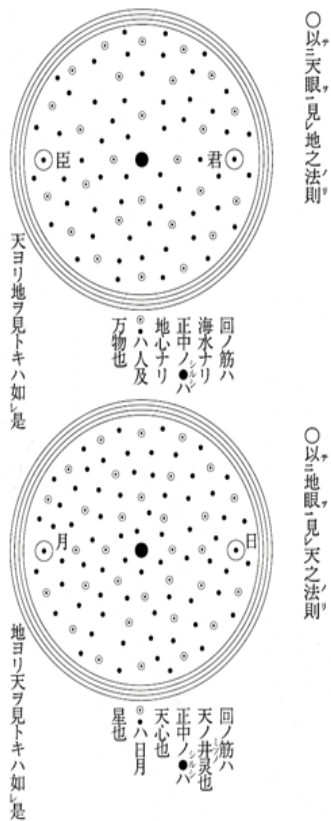

Рис. 3.
Небо глазами земли и
земля глазами неба

ниже проекции он дополняет еще и метафизиологической схемой человеческого тела, на которой ключевые, по его мнению, точки, к которым он относит все отверстия, конечности и суставы, обозначаемые уже знакомыми нам знаками *футомани*, оказываются еще и репрезентантами определенных божеств.

Основы этой метафизиологии излагаются им следующим образом: «Божества (ками 火水 огонь и вода), двигаясь и вращаясь, дыхание (ики 水火 вода и огонь), соединяясь и раскрываясь, обволакивая друг друга, в конце концов, подобно куриному яйцу застывают и образуют основу пяти главных частей тела» (с. 15). Эта наглядная теантропичность является одной из особенностей учения Ямагути Сидо, снискавшей ему славу и известность при жизни.

Ямагути Сидо стремится показать, что единство человека с Вселенной может быть продемонстрировано и на символическом уровне: «У неба есть глаза, и у земли есть глаза. Когда Земля и Небо смотрят друг на друга, то становятся едиными. Взгляд неба на все сущее и взгляд человека на все сущее разнятся. Человек находится внутри на уровне вещей и потому на них глядит сбоку. Небо находится сверху, и смотрит на сущее сверху. Посему, когда человек глядит на человека, то видит его силуэт как 人, и когда смотрит на травы и деревья то видит их силуэт как 草. Когда небо смотрит на землю, то видит ее как 地, а когда глядит на человека, то видит его как 人. Ибо смотрит на макушку головы. Когда небо смотрит на травы и деревья, то видит их как 草, ибо видит сердцевину ствола» (с. 123–124). Таким образом, основные символы *футомани* оказываются еще и проекциями вещей сверху и снизу, что Ямагути Сидо наглядно демонстрирует, рисуя два соответствующих изображения.

Создается впечатление, что Ямагути Сидо настолько сам увлечен все объясняющей силой своей теории, что находит ей множество самых неожиданных применений, которые он демонстрирует при всяком удобном случае. Приведенные

Рис. 4. Схема строения человеческого тела

Однако наибольшей популярностью среди современников и позднейших нативистов-мистиков пользовалось учение Ямагути Сидо о *котодама* – «живой сути слова». Понятие *котодама* достаточно часто встречается в древних японских памятниках и используется для обозначения той силы, которую имеют слова и их определенные комбинации, позволяющие воздействовать на те или иные явления, события, вещи, а также людей и богов на основании представлений о том, что между самим словом, и тем, что оно обозначает, существует прямая и непосредственная связь. Это – универсальный принцип, повсеместно распространенный и лежащий в основе многих разновидностей словесной магии. Заслуга Ямагути Сидо полагалась в том, что ему точно удалось установить истинное «тайное» значение слогов-фонем и на этом основании выявить истинный смысл древних текстов.

В основе представлений, утверждающих прямую и непосредственную динамическую связь между словом и вещью/явлением (знаком и его референтом) и составляющих универсальный принцип словесной магии, лежит убеждение прямо противоположное одному из ключевых принципов структурной лингвистики Ф. де Соссюра. Он утверждает произвольность связи (отсутствие мотивированности) между означающим и означаемым в знаке. По Соссюру, звуковой образ есть лишь комбинация ограниченного числа фонем, присущих данному языку, и чья функциональность определяется лишь их различием носителями данного языка, причем фонемы сами по себе сущностно бессмысленны. Таким образом, слово, эта минимальная смысловая единица языка (отличаемого Соссюром от речи), как знак есть исходно произвольное единство означающего (звукового образа) и означаемого (понятия). Это единство знака ничем сущностным образом не оправдывается, не говоря уже о референте этого знака – конкретных явлениях и вещах, на которые он указывает.

Представление Ямагути Сидо о *котодама* как «духовной (живой) сущности слова», тождественной «духовной сущности» обозначаемых им вещей, исходит из прямо противоположных оснований, а именно утверждения прямой и необходимой (единственно возможной) связи не только между означающим и означаемым внутри знака-слова, но и между знаком-словом и референтом – конкретной вещью или явлением, – для указания на который этот знак-слово используется. Другими словами, связь между означающим и означаемым (формой и содержанием), а также между знаком и его референтом, оказывается необходимым образом обусловленной и мотивированной, причем на самом глубоком онтологическом уровне, структура которого заложена космологическими процессами.

Для Ямагути Сидо не только звуковой, но и письменный образ, причем не только слова, но и каждой фонемы (слога) является онтологически мотивированным и потому единственно возможным. При этом письменный образ в виде знаков японской азбуки *катакана* первичен по отношению к звуковому образу.

Знаки этой азбуки Ямагути Сидо не считает письменными знаками в привычном смысле этого слова. Для него это непосредственное и наглядное воплощение, прежде всего, определенных космогонических процессов, которые одновременно разворачиваются как в реальной физической (возникновение неба и земли из хаоса и т. д.), так и в символической форме – в виде знаков азбуки *катакана*, которые возникают в определенной последовательности параллельно со становлением Космоса. Как утверждает Ямагути Сидо, «*катакана* – это форма дыхания неба и земли, а не создание человека» (с. 333).

В знаках *катакана* фиксируются различные этапы космогонического процесса – параллельно с процессом «начала Неба и Земли» шел процесс образования письменных знаков и звуков: «В начале Неба и Земли, когда два божества – Идзанаги и Идзанами – соединились, появились знаки ㇰ и ㇱ. Их знак ㇰ, где ㇰ – это огонь мужского божества, а ㇱ – вода женского божества. Проявлением этого знака есть остров Авадзи-но хо-но савакэ. Этот знак-*тама* ㇰ, от которого отделилась правая часть, образует знак-*тама* начала дыхания ㇱ, от которого отделение правой части образует знак окончания ㇴ. Затем возникает знак-*тама* надувания дыхания ㇵ...» и т. д. (с. 24). Описав таким образом появление всех знаков-*тама катаканы*, Ямагути завершает этот экскурс таким заключением: «Круг ㇰ есть матка всего сущего, а точка ㇰ семя всего сущего» (с. 16). Таким образом, ключевые элементы письменных знаков оказываются и непосредственным отображением главных космических сил, тождественных и действенных на всех уровнях и аспектах бытия: «Уподобление форме обволакивания и вращения этого огня и воды и называется *катаканой*» (с. 15). Именно форма знаков азбуки *катакана* определяет смысл каждой отдельной фонемы-слога.

Поначалу при чтении главного произведения Ямагути Сидо создается впечатление, что он следует достаточно распространенному среди нативистов, в особенности первой, «филологической» группы, убеждению в том, что собственной письменности в Японии не существовало. Один из основоположников нативизма Камо-но Мабути в предисловии к трактату «Рассуждение о смысле слов» писал: «В этой стране, где восходит солнце [т. е. Японии. – А. Н.], слова (*кото* 言) составляются из последовательности в пятьдесят звуков (*коэ* 音). Это – страна, в которой обо всех вещах (こと) на свете передавалось устно. В той же стране, в которой солнце клонится к закату [т. е. Китай. – А. Н.], все разнообразие вещей записывается картинками-иероглифами (*ката* 絵), используемыми как знаки (сируси). А тамошняя страна, где солнце заходит [т. е. Индия. – А. Н.], является страной, в которой записывают письменами только пятьдесят звуков, и их используют применительно для всего разнообразия вещей. И разве есть еще люди, сомневающиеся, что только в нашей стране не пользовались письменами!»

Идея Камо-но Мабути состояла в том, что в древности в Японии существовало полное соответствие между количеством слов и количеством вещей, что японцы были просты и бесхитроустны в отличие от китайцев – любителей хитромудрости (巧みな事を好む) и обобщений, у которых один звук обо-

значал множество смыслов (*котовари* 理). Отличались они и от индийцев, любивших все разделять на множество идей (*こまやかなる思いかねを好む*), и у которых было только пятьдесят знаков для обозначения всего множества вещей. Япония отлична от них: «В этой же стране, где восходит солнце, поскольку сердце людей было бесхитростным, вещей было мало и, следовательно, слов мало. Если и вещей, и слов мало, то не сомневаются ни в чем, и никогда не забывают. Посему достаточно естественных пятьдесят звуков Неба и Земли. Зачем же творить абстрактное нечто (*もの*) с помощью созданных людьми письмен?!». Эти звуки, заключает Камо-но Мабути, не претерпели никаких изменений со времен эры богов: «Посему издревле эта страна славится как одаренная живой сутью слов (*котодама*)»¹⁶.

Как видно из приведенной цитаты, главной идеей Камо-но Мабути было утверждение прямого соответствия (как количественного, так и сущностного) между словами и вещами, что и обуславливало эффективность влияния слов на внешний мир. Поэтому древняя японская речь – это «прямое» говорение, которое по природе своей (единству знака и референта) приводит в движение вещи. Грамматическое спряжение и склонение (*活用*) одновременно является «спряжением и склонением» вещей. Именно поэтому обращение со словом должно быть столь осторожным, о чем неоднократно предостерегали древние. Слово-звук, утверждает Камо-но Мабути, не есть человеческое творение, поэтому оно не конвенционально¹⁷, а «естественно». Естественность утрачивается только при записи слов письменными знаками, и в этом Камо-но Мабути видит главную проблему. Он утверждает, что конвенциональны слова только в записанной форме, ибо только тогда они становятся знаками-*сируси*, тогда как в устной форме слова – это натуральные звуки, и потому знаками не являются.

Для Ямагути Сидо тоже нет сомнений в том, что человеческий язык, его звуки суть природны и неконвенциональны. Его трактат начинается с предисловия, написанного, что примечательно, по-китайски: «В целом, среди тьмы сущего (*万物*) на небе и земле нет ничего, чтоб не имело свой голос и звук. Посему все сущее обязательно издает звуки... Поразительность их не объять, применение (*用*) их неисчерпаемо. Они исходят, но формы не имеют, они двигаются, но образа у них нет. Посему они заимствуют форму и образ у вещей и... это есть не что иное, как письмена (*字*), число их 50» (с. 3). Другими словами, в отличие от Камо-но Мабути, Ямагути Сидо не видит проблем в самом существовании письменности.

Проблема существует лишь с китайской формой записи японских слов – с иероглифами, которые в отличие от фонетической азбуки являются не ес-

тественными, а конвенциональными знаками: «В нашей стране изначально не было именуемого иероглифами (*文字*), это была страна, спасаемая живой сутью слов (*кототама* 言灵), а азбука *катакана* (*形仮名*) есть письмена (*御書*) эры богов. Благодаря этим письменам мы познаем возникновение космоса и многообразие вещей, и нет в них чего-либо, чего бы не доставало. Однако в шестнадцатом поколении государей-людей в августейшие пределы государя Одзина прибыл из Кудара некий Вани и преподнес множество сочинений. И с тех пор из поколения в поколение стали заниматься китайскими науками. Во времена сорокового поколения государей-людей в правлении небесного государя Тэнно уже глубоко скорбели об упадке старых слов эры богов (*神代の旧辞*), и было указание Хиэ-но Арэ (ему было 28 лет)... из уст государя сохранить на будущее священное учение. Когда дошло до правления небесного государя Гэнмэй в сорок третьем поколении государей-людей, в четвертый год Вада было повеление министру великой династии Ясумаро записать письменными знаками предание эры богов, что запомнил Арэ (ему было 66 лет), назвать это “Записями о делах древности” и оставить для будущего Великий путь (*миги*) Августейшей Страны» (с. 6). Однако упадок продолжался, и постепенно люди утрачивали знание об исконной смысловой и сущностной сути слов: «С древности до наших времен сохранилось только название *котодама*, а знающих ее законы (*法則*) нет. Есть пять или шесть человек, наследовавшие Кэйтю из Нанивадзу, зовущиеся учеными-нанивистами (*国学者*), однако они занимаются лишь профанной наукой (*俗学*), изучают всевозможные писания, занимая свой разум забавами, но по-прежнему, как и раньше, не ведают законов *котодама*» (с. 373–374).

Одновременно люди стали ошибочно полагать, что знаки азбуки *катакана* вторичны и являются сокращенной формой заимствованных из Китая иероглифов, тогда как они «не заимствованы и не сотворены», и являются такой же естественной «видимой формой слов» (*形仮名*), как и звуки: «Основу знания о нашей стране государей составляет то, что тьма вещей восходит к единому. Посему, когда впервые начались земля и небо, они составляли один сгусток (*кори* 凝). Из этого сгустка выделилась сокровенная (*химичу* 火水 огонь и вода) двойца. Огонь зовем отцом, а воду – матерью. Живая суть отцовского огня, сочетаясь с живой сутью материнской воды, образуют еще один сгусток. Тяжелое и загрязненное этого сгустка стало формой (*形*), а легкое и чистое стало дыханием (*息*). Это дыхание, изойдя из лона “хо”¹⁸ (материнского лона 母胎), явилось высоко и именуется голосом-звуком (*коэ* 音). Последовательность в пятьдесят (*ичура* 五十連) этих звуков зовется

¹⁶ Синто тайкэй. Ронсэцу хэн. Т. 24. Фукко синто. Ч. 2. Камо-но Мабути (Большая серия синто. Статьи. Т. 24. Возрождение синто. Ч. 2. Камо-но Мабути). (神道大系 論説編二十四 復古神道 (二) 賀茂真淵) Токио, 1988, с.38–40.

¹⁷ Конвенциональный – условный, принятый, соответствующий установившимся традициям.

¹⁸ По иероглифам значение этого бинама – «материнское лоно», обычно читаемое «ботай». Но Ямагути Сидо снимает озвончение, и тогда открываются возможности для различных толкований, ведь «хо» является одним из возможных чтений иероглифа огонь. Одновременно знак *каны* 𐤎 является, по общепринятой трактовке, сокращением от иероглифа 保, имеющего значение «сохранять, успокаивать», как бы подчеркивающий значение «лоно». При этом именно знак *катаканы* «хо» 𐤎 формируется, как мы увидим дальше первым, и соответствует первой фазе космогонического процесса.

живой сутью слогов (言灵). В последовательности из пятидесяти звуков есть живая суть (灵), и называют ее [в этом аспекте] их задействованием (かいうゑ 活用). В этих звуках заключена благодать, заключено спасение и тайна (химицу 火水 огонь и вода), в сочетании они образуют слова. Однако если слова только произносить, то их не увидеть глазами; то, что делает их видимыми глазом, называют *катаканой* (形仮名). Этой *катаканой* обозначают десять столбцов пятидесятиричной последовательности. Эти сокровенные (химицу 火水огненные и водные) слова-слоги (кото言), сочетаясь и разворачиваясь по правилам сущности и ее задействия (駄用), легкого и тяжелого, чистого и загрязненного и т. п., открывают нам истоки слов (詞の本)» (с. 8).

Поскольку дыхание Вселенной и дыхание человека единосущны по природе, то произносимые на выдохе звуки позволяют человеку воздействовать непосредственно на дыхание Неба и Земли, которое он отождествляет, как мы помним, с *ками*: «Дыхание – это дух *ками*. Речь – это наш [дух]. Посему ведаем, что наши слова восходят к духу небес, и в словах заключено знание» (с. 131).

Исходя из тех же принципов, оказывается возможным дать объяснение действенности молитв, обращенных к богам: «Эти десять столбцов последовательности из пятидесяти звуков являются звуками космоса. Человек, приводя в движение их души, говорит. Дыхание (*ики* 水火 вода и огонь) пребывает в космосе, голос – в человеке. Посему, даже если мы говорим тихо себе под нос, просьба доходит до богов неба и земли» (с. 29).

Открытие истинного значения слов происходит при истолковании входящих в их состав отдельных слогов-звуков, чье исходное значение, как мы помним, в свою очередь определяется движением первоэлементов огня и воды на том этапе космологического процесса, на котором и возник соответствующий этому слогу-звуку знак азбуки *катакана*: «Это правило отдельных слогов есть природное дыхание неба и земли. Возводя слова людские к этим слогам, познаем суть речи» (с. 31).

Примером такого открытия «истоков слов» и демонстрации его многозначности может служить толкование Ямагути Сидо самого названия хроники «Кодзики»: «В названии этого священного писания... заключены три смысла: “Записывание древних дел” (“Фуру кото-во сирусу”), “Затверждение дыхания” (“Кору ики”) и “Записи древних слов” (“Фуру котоба сирусу”). Выходит, что для познания древних дел прошедших эпох надо знать древние слова, для познания древних слов надо познать затвердевшее дыхание – таков смысл этого. Когда мы читаем название “Кодзики” как “Писание о древних делах” (“Фуру кото *фуми*” 古事記), то мы имеем дело с акциденцией (用), это прочтение на уровне человека (人間の訓かた). А когда мы видим и читаем это как “Затверждение воды и огня” (“Кодзики” 凝水火), то это субстанция, и это чтение на уровне *ками* (神の訓かた)» (с. 334–335).

Справедливость такого истолкования обосновывается им следующим образом: «Я толкую так: *ко* – это сгусток (*кори* 凝), *си* – это вода, а обозначив огонь как *ки*, мы в результате получаем косики (凝水火), т. е. “кору ики” –

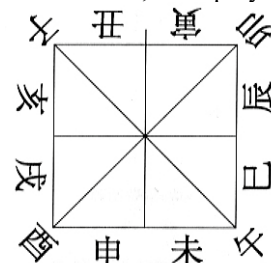

Рис. 5. Универсальная восьмичленная матрица

“затвердевшее дыхание”, тогда как в “*камиё*” [эра богов, название первого свитка “Кодзики”. – А. Н.] *ка* – это огонь, *ми* – это вода, и трактуя *ё* как “соединение дыхания» (*ики-о* куму), что все вместе значит “соединение затвердевшего дыхания (*ики* 水火 воды и огня)”. Поэтому в этом священном писании говорится о том, что, когда небо и земля не были еще разделены, они составляли один сгусток, из этого сгустка выделились вода и огонь, эти дыхания (*ики* 水火 вода и огонь), соединившись, образовали небо и землю, эти божества (*ками* 水火 вода и огонь), сочетавшись, породили тьму вещей, эти дыхания (*ики* 水火 вода и огонь), соединившись, образовали звуки (音). У *ками* (水火) нет внешнего облика, у воды и огня нет внешнего облика. То, что делает видимым облик этой воды и огня, зовется *катаканой*. *Катакана* – это форма дыхания неба и земли, а не творение человека» (с. 333).

Универсальной же матрицей творения Неба и Земли, а также начертания всех знаков *катаканы* оказывается последний из знаков *футомани*, который

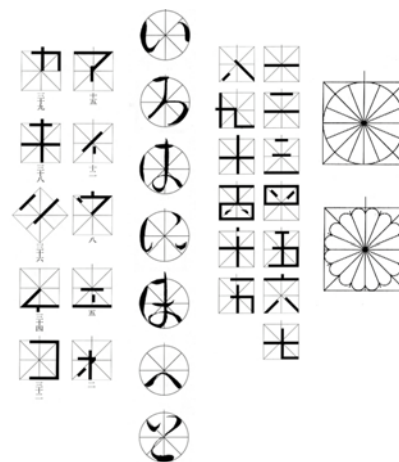

Рис. 6. Примеры использования восьмичленной матрицы

Ямагути Сидо называет «Знак того, что дыхание образует форму неба, земли и людей». Именно он оказывается ключом к познанию сути мироздания и истинного смысла знаков *катакана*: «Этот знак, образовавшийся в результате соединения знака вдоха и знака выдоха, обозначает дыхание. Наложённая друг на друга их форма и образует [знак], т. е. восемь больших островов. Исходящий из духа *футомани*, он являет дыхание (*ики* 日月солнце и луну) Неба и Земли, а также дыхание человека. Посему этот знак и есть Небо и Земля, он и есть человек. Он образует форму всего в этом мире, и нет ничего, чего бы в ней не содержалось» (с. 21).

С помощью этой универсальной матрицы Ямагути Сидо объясняет и смысл знаков *хирагана*, китайских иероглифов, в том числе обозначающих числа, происхождение императорского герба и т. п.

Как уже было сказано в предисловии, данная статья не более чем первый шаг на пути к пониманию «мистического» крыла нативистского движения в целом и учения Ямагути Сидо в частности. Она не претендует ни на полноту охвата, ни на завершенность анализа, являясь, по сути, лишь введением в данную проблематику. Впереди непочатый край работы и знакомства с учением таких важных для этого направления мыслителей, как Хонда Тикацу (1822–1889), Накамура Кодо (даты жизни неизвестны), Ооисигори Масуми (1832–1911), Такэути Киёмаро (1875–1965), Окамото Тэнмэй (1897–1963), Томокиё Ёсисанэ (1888–1952) и многих других полузабытых и совершенно забытых фигур, открыть которые, возможно, еще только предстоит. То, что выдвигавшиеся ими идеи кажутся порою весьма экзотичными, отнюдь не означает, что их следует игнорировать при изучении интеллектуальной истории Японии. Возможно, на них еще не успела появиться благородная патина времени, иногда превращающая даже заурядную вещь былых эпох в музейный экспонат, но это должно рассматриваться исследователями, скорее, как преимущество, ибо облегчает и доступ к материалам для исследования, и понимание склада ума людей той эпохи. Любой феномен в истории духа достоин изучения, тем более такой значительный, как мистическое направление японского нативизма. Без исследований в этой области наши представления о прошлом Японии оказываются не только неполными, но и искаженными.

Новое об известном

М. П. Герасимова

Каким бы интенсивным ни был процесс взаимодействия и взаимовлияния культур в настоящее время, в культуре каждого народа есть нечто, что определяет его самобытность, для понимания которой необходим ключ – язык, на котором говорят о сокровенном. К японцам и к созданной ими культуре, пожалуй, это относится в наивысшей степени, и ключом к пониманию их образа жизни, искусства, культуры является понятие «*митатэ*».

Точного слова для передачи понятия «*митатэ*» в русском языке нет, поэтому оно может употребляться наравне со словами «*икэбана*, *каратэ*, *танка* и *хайку*» как термин, обозначающий специфически японское понятие. В одних случаях «*митатэ*» может означать прием как попытку представить, продемонстрировать то, что не присутствует в данном конкретном случае, будь то произведение искусства, какая-либо композиция, или случай из реальной жизни. В других случаях, «*митатэ*» может означать предмет, слово, объект, и пр., при помощи которых этот прием реализуется. Кроме того слово «*митатэ*» употребляется в случае, когда выступает как существительное от глагола «*митатэру*», и тогда оно означает «представить», «продемонстрировать», но таким образом, чтобы представляемое приобрело особый смысл и акцент.

Слово «*митатэ*» состоит из двух иероглифов – «смотреть», (или «видеть») и «стоять». По смыслу оно близко к понятию «аллегория на основе зрительной ассоциации образов», «метафорическое иносказание». Кроме того, «*митатэ*» означает выставить на обозрение, продемонстрировать, представить что-либо таким образом, чтобы вызвать в воображении, в памяти или сознании созерцающего (или читающего) другой объект или идею.

Иными словами, прием *митатэ* применяется для того, чтобы конкретный объект смог вызвать в воображении смотрящего (читающего) ассоциативное представление о другом объекте, благодаря чему углубляется смысл увиденного, услышанного или прочитанного. Можно даже сказать, что главное значение приобретает именно воображаемое, а увиденное является лишь намеком, отправной точкой для работы воображения. При этом *митатэ* не является ни символом, ни метафорой – это своеобразный способ выражения, самостоятельное средство художественной выразительности.

Митатэ предполагает обыгрывание черт, характеризующих одновременно предметы или явления из обыденной жизни и предметы и явления, известные из религиозных преданий, классической литературы или философии, благодаря чему в сознании и воображении преодолеваются временные и пространственные ограничения.